Вымыв руки, я устроился под раскидистым деревом неподалеку от лагеря. На сердце было неспокойно. Достав три медные монетки, я заставил мысли умолкнуть и сделал бросок.

Гексаграмма И — Приумножение. Гром снизу, Ветер сверху.

«Приумножение. Благоприятно иметь куда выступить. Благоприятен переход через великую реку».

В «Книге Перемен» сказано: «Приумножение — это когда верхи жертвуют собой ради низов. Радость народа безгранична. Путь правителя сияет, когда он снисходит к подданным. В центральной справедливости — счастье. Движение ветра и грома — бесконечный прогресс. Небо дарует, земля рождает, и плоды того не имеют границ. Путь приумножения всегда следует времени».

Символ гласит: Ветер и Гром — образ Приумножения. Благородный муж, видя добро, следует ему, а совершив ошибку — исправляет её.

Я тяжело вздохнул. Ну что за невезение! Чтобы получить награду, нужно помогать искренне и от чистого сердца, а я спасал этого типа только потому, что Сун Хуаймин приставил нож к горлу. Не будь генерала, я бы бросил этого бедолагу в реку — пусть бы плыл себе дальше на волю волн. О какой «чистоте помыслов» может идти речь, если я уже вовсю планирую, как этот спасённый будет отрабатывать долг в моем «великом деле»? Да и предостережение не быть жадным… Эх, похоже, спасение этого человека — сделка крайне убыточная.

— Что ты делаешь?

Ну почему он каждый раз начинает с одной и той же фразы? Я недовольно обернулся и спросил:

— Закончил с делами?

— Да, — Сун Хуаймин, к моему удивлению, уселся рядом. — Когда он придет в себя?

— Зависит от его физического состояния.

— Состояния?

— От того, насколько крепок его организм, — буркнул я, не скрывая досады. — Кто он вообще такой?

— Тебе этого знать не обязательно.

Если бы взглядом можно было убивать, Сун Хуаймин уже давно был бы изрублен мной на тысячи кусков.

— Из столицы пришёл секретный указ. Мне велено вернуться в Шэнцзин в этом месяце.

Ну, об этом-то я и без него знал.

— Через несколько дней отправишься со мной.

Хочет отвезти меня к Юйвэнь Му, чтобы тот «принял товар»?

Я внезапно подался вперед, заглядывая генералу прямо в глаза. Я бесцеремонно положил руку ему на плечо, навалившись всем телом. Сун Хуаймин явно не ожидал такой наглости, но он остался всё так же непроницаем, что меня изрядно разозлило.

— Вызывать тебя в столицу в такое неспокойное время… — я заговорил ему прямо в ухо вкрадчивым, зловещим шепотом.

— Не детское это дело — строить догадки, — он сухо оттолкнул меня и поднялся. — Собирайся. Скоро выступаем.

Не оглядываясь, он зашагал прочь. Я лишь хмыкнул и растянулся в тени дерева, глядя в чистое бездонное небо.

***

Тот «убыточный тип» очнулся лишь три дня спустя. И пробуждение его вышло весьма драматичным.

В тот момент я как раз применял свой метод «самопожертвования» — вливал в него горькое лекарство. Кто же знал, что эта «чурка», два дня не подававшая признаков жизни, внезапно распахнет глаза? Я опешил, и этого хватило: он нанёс резкий удар ладонью мне в грудь, с лёгкостью отшвырнув в сторону.

— О? — он удивленно воззрился на свои руки. — Моя внутренняя сила…

Сплюнув кровь, я хмуро процедил:

— Ты сожрал мой снежный лотос с ледников… Ещё бы твоя сила не возросла.

Он озадаченно посмотрел на меня, явно не понимая, что происходит. Затем размялся, и,

убедившись, что в порядке, сполз с кровати и присел рядом со мной.

— Это ты меня спас?

Будь у меня возможность, я бы тебя прирезал прямо сейчас…

— Я… Но теперь… чертовски об этом жалею… — я попытался приподняться, но он вдруг подхватил меня на руки и бережно уложил на кровать, которую сам только что занимал.

— Прости… — в его голосе звучало искреннее раскаяние.

Ладно, раз извиняешься так чистосердечно, живи пока.

— Спасибо за спасение. Но я мужчина и не могу отплатить тебе собой, выйдя за тебя замуж. Так что давай забудем о том, что я тебя только что ударил? Я найду другой способ отблагодарить тебя.

От этих слов я чуть снова не зашелся кашлем с кровью.

— Ох, я тебя ранил? Ты как? Слушай, а давай так: я позволю тебе поцеловать меня несколько раз в качестве компенсации?

У кого-нибудь есть веревка? Я хочу его задушить…

— Ой, а чего это ты так позеленел?

Да от тебя же и позеленел! Я свирепо зыркнул на него и, достав из-за пазухи флакон, проглотил пилюлю от внутренних ран.

— Гляжу, ты уже почти в норме… — прохрипел я.

— Ага. Когда те люди накинулись на меня, я думал — всё, конец.

— Живучий же ты гад…

— Ну, мне с детства на удачу везёт.

— А ты не думал, что однажды твоё везение может закончиться?

— А?

Пока он хлопал глазами, я дернул за скрытую леску на запястье. Серебряная игла вылетела из рукава, но в то же мгновение была отбита невидимой волной воздуха.

Сун! Хуай! Мин! Вечно он портит мне всё веселье! Но у этого недотёпы и впрямь завидная удача…

— Очнулся? Как раны? — генерал даже не взглянул в мою сторону, обращаясь только к спасённому.

— Порядок. Благодарю за спасение. Позвольте узнать, где я?

— На Заставе Рассвета.

— Застава Рассвета? Но это же Восточная Мин? Как же меня сюда занесло?

Столь примитивная ложь… Он и вправду идиот или просто мастерски притворяется? У меня не было слов. Судя по всему, он не узнал Сун Хуаймина. Или… по какой-то причине сделал вид?

Учитывая его «интеллект», я склонялся к первому варианту.

— Вот это я и сам хотел бы выяснить, — голос Сун Хуаймина звучал угрожающе серьезно. — Неужели молодой господин Цзиньжунь так тосковал по отцу, что решил лично наведаться в Восточную Мин?

— Вы меня знаете? — парень, которого назвали Цзиньжунем, наконец-то сменил идиотскую мину на нечто более осмысленное. — Вы знаете, где мой отец?

— Его Величество прознал о вашем визите и приказал мне сопроводить вас в столицу. Раз вы поправились, завтра же выступаем. Думаю, ваш родитель спит и видит, как бы поскорее встретиться с сыном.

Надо признать, когда этот «человек-маска» начинает угрожать, он выглядит чертовски эффектно. Цзиньжунь то бледнел, то багровел — загляденье.

— Ах да, — уже уходя, Сун Хуаймин бросил на меня короткий взгляд. — Ваш отец тоже очень хочет видеть молодого господина Цинмина.

Что?! Этот мерзавец! Он уже успел доложить обо мне Юйвэнь Му?

— Так значит, тебя тоже схватили, когда ты пытался спасти отца? — с глубоким сочувствием выдал этот «гусь». — Какие же они подлецы… Но не бойся! Если мы объединим усилия, то обязательно вызволим наших стариков!

Я снова едва не сплюнул кровь. Кто здесь собрался объединять с тобой усилия?! И не вздумай сравнивать мой интеллект со своим! Припёрся спасать «родителя», а сам туп как пробка. Искренне сочувствую его отцу — если тот еще не умер, то точно скончается от инфаркта, глядя на такого «спасителя».

«Потеряв — обретешь, отдав — получишь». Рядом с этим болваном я уже «потерял» столько нервных клеток, что никакое «приумножение» не покроет убытков.

***

На следующее утро Сун Хуаймин, взяв лишь два десятка легких кавалеристов, усадил нас с Цзиньжунем в повозку и во весь опор погнал к Шэнцзину. Мне стало чертовски любопытно: что сейчас творится в столице и кто же такой на самом деле этот Симэнь Цзиньжунь? Впрочем, сам «арестант» сидел в карете с видом пришибленного мешком пыльного гуся, не шевелясь.

Нельзя сидеть сложа руки. С такой скоростью мы доберемся до Шэнцзина дней за десять. А в логове Юйвэнь Му мне уже не дадут развернуться. Сбежать самому — пара пустяков: сыпанул порошка, и все валяются, — но как вытащить этого «недотёпу»? В нынешнем состоянии он и десяти ли не пробежит — поймают.

Признаться, он вызывал у меня жгучий интерес. Любопытство — моя главная слабость, но я не только не пытаюсь её побороть, а, напротив, нахожу в этом особое удовольствие. Наверное, для того, кто уже однажды умер, жизнь порой кажется чем-то весьма необязательным.

Ночью мы обменивались сообщениями так, чтобы Сун Хуаймин ничего не заподозрил, — писали пальцами на ладонях друг друга под одеялом. Цзиньжунь отвечал на все вопросы без утайки, и я даже не знал — то ли он святая простота, то ли лжет так виртуозно, что комар носа не подточит.

Он назвался сыном Симэнь Хаожаня, князя Жуя Западной Цзинь. Сюда он прибыл, чтобы вызволить отца, которого когда-то отправили в Восточную Мин в качестве заложника.

Ходили слухи, что много лет назад между странами вспыхнул конфликт. Восточная Мин, в ярости, затребовала проход через земли Небесной династии и двинула войска на Западную Цзинь. Чтобы вымолить мир, те отдали князя Жуя в заложники. На том и порешили.

Но была и другая, куда более пикантная версия: дескать, правитель Восточной Мин так вожделел красоты и талантов князя, что выдумал повод для войны, лишь бы заполучить его себе.

В сплетни я верил охотнее. Симэнь Хаожань в юности действительно был легендарно красив и одарен. Даже спустя восемнадцать лет его неволи в народе всё еще судачили о его подвигах. Баловень судьбы, любимец прежнего царя, в пятнадцать лет он покинул дворец, чтобы «познать мир». И где бы он ни появлялся, везде за ним тянулся шлейф невероятных историй.

Во-первых, лицо князя было сущим проклятием. Любая женщина от мала до велика, завидев его, теряла голову. Незамужние мечтали пойти под венец, замужние — бросить мужей. Настоящая «гроза женских сердец». И ведь он действительно нашел среди них свою единственную, которая в восемнадцать лет родила ему сына. Говорили, когда объявили о его свадьбе, женщины всей Поднебесной рыдали в голос. А князь еще и подлил масла в огонь, заявив, что не возьмет ни одной наложницы, — похоронив тем самым надежды тысяч красавиц стать хотя бы его младшими женами. С другой стороны, в те времена, когда среди мужчин процветали «особые пристрастия», за его красотой охотились и другие. Владыка Восточной Мин был одним из них.

Во-вторых, князь прославился как благородный герой. Говорили, он владел мечом как бог, был честен и милосерден. Повсюду он искоренял зло и помогал беднякам. Стоило его «Нефритовому клинку» блеснуть на солнце, как негодяи в ужасе разбегались. В народе его прозвали «Князем с нефритовым ликом», и не будь он членом императорской семьи, его бы точно выбрали главой союза боевых искусств.

В-третьих, он был невероятно образован. Ученый, поэт, знаток старины… но истинным мастером он был в сложении песенных стихов — цы. В кабинете Юйвэнь Му я видел его сборник. Даже на мой предвзятый взгляд филолога, это было великолепно. В каждой строке чувствовалась такая широта души и горечь судьбы, что невольно становилось жаль этого небожителя, волею рока застрявшего в мирской грязи.

И вот, когда этот человек в расцвете лет прибыл в Восточную Мин как посол, все восхищались его величием, не зная, что это начало его конца. Легендарный герой исчез за высокими стенами дворца, оставшись лишь в преданиях.

И теперь передо мной сидит этот «гусь» и утверждает, что он — сын того самого блистательного кумира и покорителя сердец. И это при условии, что я сам — один из «фанатов» его отца. Вы бы поверили?

Я не видел князя Жуя, но когда этот недотёпа, вскинув бровь, заявил о родстве, мне захотелось его отравить. Просто из принципа.

Будь у него вторая бровь, он бы, пожалуй, сошел за симпатичного парня — хотя до Сун Хуаймина ему было как до луны, не говоря уж о его божественном отце. Единственное логичное объяснение: гены матери были… скажем так, крайне неудачными.

Как истинный поклонник князя Жуя, я не мог смириться с тем, что его избранница была настолько далека от идеала.

— Ты уверен, что ты его сын? Клянешься, что не врешь? Знаешь, что я сделаю с тобой, если ты мне лжешь? — шепнул я ему, когда Сун Хуаймин отлучился. До Шэнцзина оставалось три дня.

— Конечно, я его сын! Почему ты мне не веришь? — он выглядел таким обиженным, что я почувствовал себя злодеем, отбирающим конфету у ребенка.

— Да как у такого совершенного и талантливого человека, кумира миллионов, мог родиться такой болван, как ты?!

— Ч-что? — он явно не понял половину слов, но под моим яростным взглядом едва не разрыдался.

— Ладно, — я решил сменить гнев на милость. — Правда это или нет, будем действовать по плану. Ты всё запомнил? Если завтра ты хоть в чем-то напортачишь, хоть в самой мелкой детали, я клянусь: через три дня ты превратишься в дряхлого, сморщенного старика и будешь умирать три года в страшных муках, чувствуя, как каждая кость в твоем теле ломается. Понял?

Зловещий голос, ледяной взгляд — и «гусь» смог лишь мелко закивать. Совесть кольнула меня лишь слегка, и я вернулся к обдумыванию плана.

Побег — дело нехитрое. Проблема в том, что ни я, ни этот «гусь» не умеем толком ездить верхом, а уж править повозкой — и подавно. Можно перетравить всех солдат, оставить одного, чтобы вез нас, но это риск. Сун Хуаймина я убивать не хочу, значит — только усыпить. Мой самый сильный сонный яд действует от силы шесть часов — я всё-таки мастер по части ядов смертельных, а не снотворных. Через шесть часов Сун придет в себя и мигом нас настигнет. Еще одна беда: мои яды действуют мгновенно и жестоко. Человек либо умирает в конвульсиях, либо корчится от боли. Кто же тогда будет править лошадьми?

Нужно дождаться обжитых мест, но что, если Сун решит и дальше ехать глухими тропами?

Честно говоря, я в тупике.

http://bllate.org/book/17477/1693708